Сидорин В.В., отв. ред. *Владимир Соловьёв. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи.* М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 516 с. ISBN 978-5-98712-482-6.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-172-180 УДК 1(091)

Представление о трех периодах в творчестве Владимира Сергеевича Соловьёва общепринято: им условно соответствуют: (1) теоретико-философские работы 1870-х гг., (2) политическая публицистика 1880-х и (3) творчество 1890-х, крупнейшим (но не единственным) направлением в котором выступает обновленная теоретическая философия. Большинство статей рецензируемого «соловьёвского» сборника сконцентрированы вокруг третьего периода, предлагают детальное погружение каждый в свою – достаточную узкую – проблематику и вместе дают широкую панораму творчества Соловьёва в последнее десятилетие его жизни.

Неслучайно **Раздел I. «Наследие Владимира Соловьёва: эпоха, люди, идеи, документы»** открывается статьей **Б.В. Межуева «Периодизация творчества Вл. Соловьёва: историографический очерк»**. В русле задачи «обобщить все имеющиеся источники, чтобы восстановить весь жизненный и творческий путь философа в 1890-е годы» (с. 11), автор статьи проблематизирует представление о трех периодах: установление года и произведения, после которых завершается один период и начинается другой, а также несовпадение подходов разных авторов XX в. к определению собственно содержательной специфики каждого периода – исследуемая в статье проблема. Схема трех периодов «получила классическую форму» (с. 29) и даже «триумфально» (с. 20) вошла в соловьёвоведение благодаря фундаментальному двухтомнику Е.Н. Трубецкого «Миросозерцание В.С. Соловьёва» (1913). При этом сама идея деления творчества философа на периоды предполагала и идею «серьезных разрывов во взглядах» Соловьёва (с. 20) на пути от раннего творчества к позднему, с чем не могли согласиться,

© Мацан К.М., 2025

в частности, С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин и Э.Л. Радлов, подчеркивая, напротив, – каждый на своих основаниях – единство взглядов Соловьёва на протяжении его жизни. Оговорка «каждый на своих основаниях» важна в силу того, что, как кажется, отсылает к сердцевине проблемы, которую раскрывает Б.В. Межуев: та или иная реконструкция творческого пути Соловьёва критически зависела от собственных философских предпосылок самих пишущих авторов. На этом фоне выделяется работа «Владимир Соловьёв и его мессианское творчество» (1935) профессора Страсбургского университета Дмитрия Стремоухова, который «более, чем другие, писавшие о Вл. Соловьёве, авторы, был способен взглянуть на его жизненный путь объективно, а не через призму собственных предпочтений и убеждений» (с. 40–41), и реконструировал его «наиболее точно» (с. 52). Проблематизация концепции трех периодов значима не только сама по себе: это еще и пропедевтика к новой концептуализации третьего, позднего соловьёвского периода с его разнообразием незавершенных замыслов как все же «целостного, единого интеллектуального проекта» (с. 9), что до сих пор, как следует из статьи Б.В. Межуева, оставалось в научной литературе почти невзятой высотой[1].

Известный нидерландский исследователь **Эверт ван дер Звеерде** в статье **«Между мистицизмом и политикой: целостность и основная закономерность мышления Владимира Соловьёва»** описывает философию русского мыслителя как парадигмальный пример «неразрешимого напряжения» (с. 79) между политикой и религией. Неразрешимого – в том смысле, что «мистицизм, когда он связан с мировоззрением, взыскующим единства, охватывающего все и всех, когда он пан(ен)теистичен или холистичен, должен необходимо вести к фундаментальному отрицанию автономности политического, понятого как измерение, в котором реальный конфликт всегда возможен» (с. 81). Опыт Соловьёва, существенно связанный с личным мистическим откровением, описанным в незавершенном трактате

[1] «Почти» – ввиду книги видного американского соловьёвоведа Томаса Немета «Поздний Соловьёв. Философия в имперской России» (Thomas Nemeth, *Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia* (Manchester, NJ, 2019)).

«София», заложил основы для возникновения позднейших политико-теологических подходов, или «позиций Софии по отношению к политике», каковых автор статьи выделяет три: (1) «фундаментальное отрицание политического» как «выражения чисто негативных взаимоотношений» (П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев) (с. 76); (2) более «активистская христианская политика» (С.Н. Булгаков) (с. 76); (3) своего рода «софийное» обоснование демократии (С.Л. Франк в «Духовных основах общества»[2]) (с. 78).

И.А. Кацапова в статье **«Философско-правовая проблематика в полемике В.С. Соловьёва и Б.Н. Чичерина»** системно раскрывает сближение и отталкивание этических построений двух мыслителей: «Принципиальное осуждение Чичериным этики Соловьёва сводилось к критике исходного примата в ней целого перед частью, соборного всеединства перед индивидуальной свободой» (с. 105). Чичерин, «классический либерал», полагал философский индивидуализм в качестве «краеугольного камня» этики и права, для Соловьёва же, о либерализме которого в этом контексте следует говорить с уточнениями, «центральной в этике выступала идея всеобщей организации нравственности» (там же). Сопоставление позиций двух мыслителей позволяет автору статьи сформулировать два возможных подхода к толкованию самого предмета философии права: «Чичерин рассматривал оппозицию положительного и естественного права, тогда как Соловьёв ориентировался на естественно-правовую проблематику, в рамках которой рассматривал соотношение права и нравственности» (с. 110). Существенным выводом представляется и то, что полемика Чичерина и Соловьёва есть конкуренция «двух методологий»: «методологии философии как строгой науки» в случае Чичерина и «формирующегося метода неклассической философии, основанного на религиозно-экзистенциальном стиле мышления» в случае Соловьёва (там же). Дальнейшее развитие философии права в России (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский,

[2] Франк, как известно, не прибегал в своей метафизике к категории «Софии», поэтому в данном контексте «софийность» выступает скорее синонимом «философии всеединства».

И.В. Гессен) сложилось, по мысли И.А. Кацаповой, как «компромисс» или «синтез» позиций Чичерина и Соловьёва (там же).

Еще одна статья **Б.В. Межуева «Из неизданного и несобранного Владимира Соловьёва: публикации о Дм. Иловайском на страницах “Новостей и Биржевой газеты”»** отдает дань памяти классику соловьёвоведения Николаю Всеволодовичу Котрелёву (1941–2021) и подхватывает одно из направлений его трудов – находить и издавать тексты Владимира Соловьёва, не подписанные именем философа. В статье речь идет об участии Соловьёва в 1891 г. в кампании по «персональному обличению» (с. 115) московского историка Дмитрия Иловайского в связи с его антисемитскими взглядами. Формальным предметом обличения был третий том «Истории России» Иловайского (1890), в котором усмотрели «плагиат» или – в смягченной формулировке – «компиляцию» из «Истории России с древнейших времен» Сергей Михайловича Соловьёва, отца философа и учителя самого Иловайского (с. 118–129). После углубленного исследования дискуссии на страницах «Новостей и Биржевой газеты», а также жизни и переписки Соловьёва того периода, Б.В. Межуев приходит к обоснованному выводу о наличии – среди большого количества неподписанных заметок на эту тему – трех текстов, которым можно с большой степенью достоверности атрибутировать авторство Владимира Соловьёва: (1) содержащая критическое упоминание Иловайского анонимная заметка «Новые оракулы», (2) анонимная заметка в поддержку историка П.В. Безобразова, мужа сестры Соловьёва, который выступил с критикой книги Иловайского, и (3) анонимная заметка «Новый “авторитет”…» – полемический ответ Владимира Соловьёва на открытое письмо своего брата Всеволода, не поддержавшего «антииловайскую» кампанию. Первый из трех текстов был ранее опубликован Н.В. Котрелёвым[3]. Второй и третий тексты приведены в рамках статьи Б.В. Межуева полностью (с. 124–126; 132–133) и, таким образом, введены в научный оборот.

[3] См.: «Из неизданного и несобранного Владимира Соловьёва: Новые оракулы», публикация Н.В. Котрелёва, *Соловьёвские исследования* 55, № 3 (2017).

Статья **А.П. Козырева «Владимир Соловьёв и граф А.А. Голенищев-Кутузов в кругу поэтов и философов»** может быть прочитана не только как скрупулезная реконструкция дружбы – пошатнувшейся, но восстановившейся – двух современников, но и как приглашение к восстановлению своего рода исторической справедливости – к возвращению имени Арсения Голенищева-Кутузова в историко-литературный канон. Как замечает А.П. Козырев, масштаб и уровень посмертных откликов о поэте Голенищеве-Кутузове и вышедшее посмертно четырехтомное собрание его сочинений заставляют «удивляться, что в истории русской поэзии этот поэт был практически позабыт и остался в ней разве как автор текстов к песням Мусоргского»[4] (с. 158). Внимание современников к поэзии Голенищева-Кутузова было не в последнюю очередь связано со статьей Владимира Соловьёва «Буддийское настроение в поэзии» (1894) – обстоятельной рецензией философа на поэтический двухтомник своего друга. А.П. Козырев ставит важный акцент на том, что оценка Соловьёвым поэзии Голенищева-Кутузова представляет собой еще и яркий кейс философской рефлексии о буддизме в русском обществе конца XIX – начала XX в. Рецензия Соловьёва словно высвечивает общий «культурный стереотип эпохи» – называть нехристианское отношение к смерти «буддизмом» и понимать под ним не столько собственно историческую мировую религию, сколько некое «настроение, заменяющее собой, по сути, любой вид религиозной практики» (с. 157). После Соловьёва не учитывать так понятую «буддийскую» проблематику станет невозможным для тех, кто будет писать о поэзии Голенищева-Кутузова (Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.Я. Брюсов, С.М. Лукьянов).

Статью **К.В. Ворожихиной «Неотправленное письмо Вл.С. Соловьёва императору Александру III: история создания и контекст»** и статью **В.В. Сидорина «Вл.С. Соловьёв и редактор “Русской мысли” В.А. Гольцев»** можно рассмотреть как своего рода диптих, преследующий принципиально важную и всегда актуальную задачу: введение в научный оборот

[4] Статья А.П. Козырева содержит интереснейший экскурс в историю отношений А.А. Голенищева-Кутузова и М.П. Мусоргского (с. 156–157).

ранее неизвестных текстов русского философа. В первом случае речь идет о черновике письма (1888–1889), которое может дополнить наше понимание соловьёвской теократической концепции союза русского царя, римского первосвященника и пророка-Соловьёва: «признайте духовную власть, которая выше Вас, восстановите свободу и естественные права народов, которые вам подвластны, и Вы создадите истинную христианскую Империю», – Соловьёв собирался обратиться к Александру III в том числе с такими словами (с. 182). Во втором случае речь идет о восемнадцати письмах Соловьёва В.А. Гольцеву 1891–1896 гг., из которых ранее публиковались лишь два. Переписка не только добавляет трогательно личные штрихи к портрету Соловьёва («я совершенно болен после магистерской попойки», с. 198), но и расширяет наше знание об истории создания «Оправдания добра»: в частности, по замечанию В.В. Сидорина, переписка дает основания полагать, что текст «Экономический вопрос с нравственной точки зрения», ставший главой книги, первоначально предлагался Соловьёвым в «Русскую мысль» в качестве статьи, но не был принят (с. 192), что, впрочем, не помешало Соловьёву и Гольцеву сохранять и в дальнейшем дружеские отношения.

Подробнейшее, чтобы не сказать фундаментальное, исследование представляет собой статья **К.Ю. Бурмистрова «Библиотека Владимира Соловьёва: загадки и находки»**, включающая список 67 книг из личной библиотеки философа: «тематически 35 % книг относятся к эзотерическим наукам (магия, алхимия, астрология, герметизм), 25 % – к теософии (сочинения Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена и пр.), примерно 22 % – к теологии и философии; остальные книги – масонские, натурфилософские сочинения, энциклопедические и справочные издания» (с. 227). В статье особо описаны книги с пометками Соловьёва («Histoire de la philosophie hermétique», сочинения Шопенгауэра и многие другие). Отдельно выделена антология «Мировые эпохи: лучи света из произведений Франца фон Баадера» (1868), описаны соловьёвские маргиналии, подчас пространные и теоретически содержательные (с. 234–247), и даны их фотографии (с. 249–250). Это дает безусловно ценнейший материал для того, чтобы историко-философские реконструкции о рецепции

Соловьёвым построений Баадера стояли на твердой источниковедческой почве, но также обогащает наше восприятия религиозной метафизики Соловьёва самой по себе.

Еще одним существенным вкладом в соловьёвоведение – и конкретно в историю последователей В.С. Соловьёва – предстает введение в научный оборот стихотворного «Послания епископу Трифону» поэта Сергея Соловьёва, племянника философа, впоследствии католического священника. Статья **М.Б. Шапошникова** и **К.В. Ворожихиной «Сергей Соловьёв и епископ Трифон (Туркестанов)»** бережно реконструирует взаимоотношения двух друзей. Само послание – 25 строф – написано в 1918–1919 гг. онегинской строфой, «размером, со времен Пушкина традиционно принятым в русской поэзии для стихотворных посланий» (с. 259). Перед нами документ эпохи, изобилующий – совершенно в духе пушкинского романа в стихах – отсылками к конкретным событиям и современникам, не лишенный и, собственно, философских оценок, подчас ироничных[5].

[5] Например:

«Уж бес нас ловит, злобно щерясь:
От митр и белых клобуков
Зловонным дымом всходит ересь
Антония учеников.
Христова жертва, искупленье –
Для них лишенные значенья
Иноплеменные слова.
Для плотских их умов мертва
Святая жертва литургии.
Что Златоуст им? Пыль веков.
А Розанов, а Хомяков
И им подобные другие –
Вот это подлинно отцы
И православья образцы» (с. 272–274).

Под именем «Антоний» здесь имеется в виду митрополит Антоний (Храповицкий), последовательный критик католицизма вообще и работы В.С. Соловьёва «Россия и вселенская Церковь» в частности. См.: Антоний (Храповицкий), «Превосходство православия над учением папизма в его изложении Вл. Соловьёвым» в *Собрание сочинений,* т. 2 (М.: Даръ, 2007).

Раздел II. «Переписка Вл.С. Соловьёва и Ф.Б. Геца и ее контексты» заслуживал бы отдельной рецензии, так как представляет собой едва ли не самостоятельную коллективную монографию внутри сборника. Раздел объединяет несколько статей **И.В. Борисовой** и **К.Ю. Бурмистрова**, посвященных такой не последней для соловьёвоведения теме, как участие Соловьёва в обсуждении еврейского вопроса. Стержневым сюжетом предстает подробно откомментированная переписка русского философа с еврейским публицистом Файвелем Бенциловичем Гецем (1953–1931) от мая–августа 1891 г. Подчеркивание национальности двух корреспондентов, которое в ином контексте выглядело бы как минимум стилистически сомнительным, здесь на своем месте: Гец, назвавший автобиографический очерк «Воспоминания старого штадлана», видел себя «именно *штадланом*, т.е. заступником, защитником интересов своего народа перед нееврейским миром» (с. 433). И, судя по опубликованным письмам, в Соловьёве, авторитетном философе-публицисте, Гец видел такого же «заступника» и потому союзника в рядах того самого «нееврейского мира». «Именно в этом ключе построены *все* публикации Геца о Соловьёве», как замечает К.Ю. Бурмистров в предисловии к публикуемому переводу работы **Ф.Б. Геца «Философ В. Соловьёв и еврейство»** (1927).

И.В. Борисова скрупулезно реконструирует историю дружбы (опять же – пошатнувшейся, но восстановленной) и переписки Соловьёва и Геца[6], а также выявляет особенности подборки писем Соловьёва, выбранных Гецем для публикации после смерти философа. В частности, переписка проливает дополнительный свет на обстоятельства, при которых Соловьёв прекращает сотрудничество с изданием «Новости и Биржевая газета», на само отношение Соловьёва к этому изданию и лично к его руководителю О.К. Нотовичу, а также раскрывает детали сотрудничества Соловьёва в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. Как сообщают письма, Гец принял

[6] Статьи **«О дружбе Вл.С. Соловьёва и Ф.Б. Геца»** и **«Вл.С. Соловьёв летом 1891 года, в связи с перепиской с Ф.Б. Гецом (“Энциклопедический словарь” и “Новости и Биржевая газета”)»**, с. 331–420.

непосредственное участие в том, чтобы такое сотрудничество началось.

Статья **К.Ю. Бурмистрова «Соловьёв и Гец как критики С.Я. Диминского»** рассматривает в том числе полемические просчеты Соловьёва. В рецензии на юдофобскую «записку» Семена Яковлевича Диминского «Евреи, их вероучение и нравоучение» (1891) Соловьёв строит свою критику среди прочего на стремлении уличить Диминского в «полном незнакомстве» (с. 425) с Талмудом, видимо, не зная, что Диминский был автором диссертации «Исследование о Талмуде» (Киев, 1869) и в целом «хорошо разбирался в имевшейся к тому времени научной литературе» по иудаике (с. 422). При всем справедливом содержательном пафосе критическая рецензия Соловьёва, по замечанию К.Ю. Бурмистрова, «производит впечатление не совсем самостоятельной» (с. 428).

Раздел II завершается переводом уже упомянутой работы Геца «Философ В. Соловьёв и еврейство», который впервые публикуется на русском языке в рецензируемом сборнике и, безусловно, представляет собой важнейший вклад в соловьёвоведение.

Как видно, статьи, собранные в сборнике «Владимир Соловьёв. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи» выполнены на высоком научном уровне. Книга снабжена подробным именным указателем. В предисловии к изданию его редактор В.В. Сидорин отмечает, что такой «соловьёвский» сборник может в будущем приобрести «регулярный характер исследовательской серии» (с. 6). Остается надеяться, что так оно и будет.

МГУ имени М.В. Ломоносова **К.М. Мацан**
kmatsan@gmail.com